

«ЧИСТКА» СТУДЕНТОВ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНЦЕ 1920-х гг. КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОЛЕТАРИЗАЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.В25.31.0009).

На основе архивных документов и периодической печати реконструируется процесс «чистки» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. в ходе кампании по пролетаризации вузов. Прослеживается судьба нескольких студентов университета, подвергшихся «чистке». Делается вывод, что эта «чистка» стала последней в череде подобного рода мер, предпринимаемых в ходе пролетаризации высшей школы, и не была такой массовой, как «чистки» 1922, 1924, 1925 гг.

Ключевые слова: Томский университет; кампания по пролетаризации вузов; «чистка» студентов; общественные организации.

В ходе борьбы за «классовую чистоту» и пролетаризацию высшей школы в 1920-е гг., в задачи которой входили кардинальное изменение социального состава студенчества, перестройка системы преподавания и воспитания, было проведено несколько «чисток» студенческого состава высших учебных заведений [1. С. 206–249].

В Томском государственном университете (ТГУ) после закрытия весной 1920 г. юридического факультета, а затем в 1922 г. и факультета общественных наук с правовым, экономическим и социально-философским, а также этнолого-лингвистическим (на базе ликвидированного в 1921 г. историко-филологического факультета) отделениями к концу 1920-х гг. оставалось всего два факультета: физико-математический с пятью отделениями и медицинский. Начиная с 1920 г. и до середины 1920-х гг. в ТГУ существовал еще рабфак, который также занимался решением задачи пролетаризации студенчества [2. С. 6–9].

За этот период резко сократилась численность обучавшихся. Если в 1920 г. в ТГУ насчитывалось 4910 студентов, то в 1929 г. их было всего 1409 [3. С. 119, 167]. Это было вызвано как оттоком студентов, оказавшихся в Томске в ходе Гражданской войны, закрытием ряда факультетов, изменившимися условиями приема в вузы, так и проведенными «чистками» и проверками состава студентов по академическому и классовому признакам.

Одним из путей пролетаризации вузов вплоть до 1925/26 учебного года был прием студентов по направлениям партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

Тем не менее коренного перелома в социальном составе студентов ТГУ, несмотря на принимаемые меры, к концу 1920-х гг. так и не произошло. Если в 1928 г. среди принятых на 1-й курс было 16% рабочих и 34% детей рабочих, крестьян и детей крестьян соответственно 5 и 6%, а выходцы из рабоче-крестьянской среды составили 61% [4. Л. 249], то на старших курсах процент выходцев из рабочих и крестьян был на порядок ниже. В 1929 г. рабоче-крестьянская прослойка в ТГУ достигала всего 37,5%. Значительную часть студенчества (46%) составляли дети служащих и интеллигенции [5. 18 июня].

Однако и качественный состав имевшейся в вузах рабоче-крестьянской прослойки был в то время неоднороден. Нередко, например, под видом «крестьянина» в вузы попадали выходцы из зажиточного крестьянства (кулаков), раздобыв для этого разными путями необходимые справки или неверно указав сведения о своем социальном положении в анкетах, заполняемых при поступлении.

В статье инструктора организационного отдела Сибирского краевого комитета (Сибкрайком) ВКП (б) Н.П. Загорского «Больше пролетарского контроля при приеме в вузы», опубликованной в газете «Советская Сибирь» 25 апреля 1929 г. накануне нового набора студентов, подчеркивалось: «Кто же виноват, что такие типы пролезают в вузы и отогреваются там, как змеи, Приемные комиссии, Нет. Что они могут сделать, если перед ними 1000 человек соискателей и все с заверенными анкетами. Проверить в сутолоке правильность анкет невозможно. Виноваты в этом наши профессиональные, советские и комсомольские организации, которые зачастую заверяют направо и налево анкеты первому встречному, а затем год спустя выступают с критикой плохого социального состава вузов. Мы должны сказать этим товарищам – потрудитесь принять участие не только в пролетарской критике, но и в пролетарском комплектовании в вузы. Всякого же, кто будет извращать нашу классовую линию, нужно судить и шельмовать. Необходимо, чтобы окружные комитеты партии дали сейчас указания местным советским и профессиональным организациям о характере подготовки к работе по комплектованию в сибирские вузы».

Из этого автор статьи сделал следующий вывод: «Нужно... коренным образом изменить отношение к этому делу. Уже сейчас нужно проинструктировать советские профессиональные организации (особенно низовые) о необходимости самого тщательного отношения к заверениям всяких анкет, справок о социальном положении и т.д. Вокруг дела подбора в вузы и комплектования необходимо создать серьезный пролетарский контроль».

На дальнейшую пролетаризацию вузов было нацелено и Постановление коллегии Народного комисса-

риата просвещения (Наркомпрос) РСФСР от 23 мая того же года «О «чистках» в вузах, рабфаках и техникумах». Текст его предварялся указанием заведующего Главным управлением профессионального образования (Главпрофобр) А.Я. Вышинского принять этот документ «к немедленному, точному и неуклонному исполнению» [6. Л. 67].

В самом постановлении отмечались успехи, достигнутые в деле «классового отбора» в ходе «пролетаризации вузов, рабфаков и техникумов». Особое внимание обращалось на необходимость дальнейшего «расширения и углубления этих успехов», что должно было, по мнению руководства Главпрофобра, способствовать «значительному усилению рабоче-крестьянского ядра» в учебных заведениях.

В связи с этим предлагалось придавать особое значение «последовательному отбору в классовом отношении вновь поступающих, с одной стороны, и борьбе против отсева пролетарско-крестьянской, особенно батрацко-бедняцкой части учащихся, с другой» [7. Л. 105].

Вместе с тем осуждались применявшиеся до этого методы «чисток» или «самочисток» и признавалось необходимым исключать из числа учащихся «явно засоряющие эти учебные заведения элементы по мере их обнаружения в повседневной работе студенческих организаций, правлений вузов и президиумов рабфаков и техникумов».

Исходя из всего этого, коллегия Наркомпроса постановила наряду с исключением учащихся за академическую неуспеваемость отчислять из учебных заведений такие категории учащихся как «лишенные избирательных прав (после окончательного утверждения решения в повседневной апелляционной избирательной инстанции...); лица, намеренно скрывшие при поступлении в учебное заведение свое социальное происхождение или социальное положение; лица, обнаружившие антисоветское поведение во время пребывания в учебном заведении, выражающееся в выступлениях, враждебных советскому государству, а так же в активном антисемитизме»; лица, осужденные за уголовные преступления» [Там же].

Прежде чем принять окончательное решение об исключении из учебных заведений, предлагалось «тщательно проверять все обстоятельства, относящиеся к данному делу, и принимать во внимание в каждом отдельном случае академическую и общественную ценность подлежащего исключению лица, допускающая исключения в отдельных случаях».

Рекомендовалось также особенно осторожно относиться к принятию решения об исключении студентов и учащихся выпускного курса.

Постановления правлений вузов, президиумов и профкомов об исключении учащихся могли быть обжалованы путем подачи заявлений на имя уполномоченных НКП по вузам и заведующих краевыми и местными отделами народного образования, решения которых по этим вопросам являлись окончательными.

Коллегия Наркомпроса поручила Главпрофобру принять меры, направленные на «максимально точное и полное выявление социального и имущественного

положения лиц, поступающих в вузы, рабфаки и техникумы», и препятствовать приему в учебные заведения в «каком-либо ином порядке, чем через приемные комиссии» [7. Л. 105].

И хотя это постановление в ТГУ поступило только в начале июня, еще до его принятия принципиальные положения, изложенные в нем, уже применялись в практической жизни вуза. Так, газета «Красное знамя» за 14 февраля 1929 г. сообщала, что правлением университета были исключены из числа студентов 7 студентов медфака и физмата (Колпаков, Селихова, Сурнина, Ильиченко, Мартемьянова, Степанищев и Скалон) как лишенные избирательных прав. В той же газете за 16 февраля приводится еще один список из 11 фамилий студентов медицинского и 10 физико-математического факультетов, исключенных из университета по тем же мотивам.

Как осуществлялась эта процедура на практике, попытаемся проследить на примере судеб нескольких студентов университета, подвергшихся «чистке» в конце 1928 и в 1929 г.

Одним из них был студент Яков Раузин, поступивший в 1924 г. на физико-математический факультет ТГУ по командировке Славгородского окружкома комсомола Алтайской губернии, имея при этом рекомендацию партийца. Согласно заполненной им анкете он числился сыном крестьянина, до поступления в вуз работал в крестьянском хозяйстве и к тому же являлся кандидатом в члены РКСМ [8. Л. 20].

Однако документов, подтверждавших, что он комсомолец, в вуз не поступило. Обучаясь в университете, Яков снова вступает в комсомол. Вначале кандидатом, а в 1928 г. его переводят в члены. «Ведь, Яшка, – писала газета “Красное знамя”, – на видной работе: был председателем профкома, секретарем деканата, студпредставителем, членом окпроса и проч. Неудобно в кандидатах быть» [9. 8 дек.].

Спустя некоторое время в том же 1928 г. Я. Раузин был уличен в сокрытии своего действительного социального происхождения. Из поступившего в распоряжение общественных организаций ТГУ постановления Андреевского райкома ВКП (б) Славгородского округа Сибирского края выяснилось, что его отец был лишен права голоса как «бывший крупный торговец» и в «настоящее время имеет кулацкое хозяйство, которое с целью распродает».

В этом же документе содержалась просьба исключить Якова Раузина из университета и комсомола как «социально-чуждого элемента». «Сын кулака, – писала газета “Советская Сибирь”, – проник в комсомол, скрыл свое кулацкое происхождение [9].

После этого комсомольская организация физико-математического факультета занялась разбором персонального дела Якова, хотя многие студенты, знавшие его как активного студента-общественника, были против того, чтобы его исключали из комсомола.

Однако общественность настаивала на том, чтобы «выгнать» Якова из комсомола, а затем из вуза, хотя на тот момент Я. Раузин был уже студентом выпускного курса и хорошо учился.

На заседании ячейки физико-математического факультета Я. Раузин не согласился с предъявленными ему обвинениями, отговариваясь отсутствием полных сведений об отце: «Я не отрицаю того, что предъявлено мне в официальных документах, по отрицанию то, что было предъявлено сверх того. С отцом не живу 5–6 лет, дома был последний раз в 25 году и отец кулаком тогда не был. Я виноват в том, что должен был два-три года назад тщательно познакомиться с хозяйством отца и порвать с ним публично сказав об этом!» [9].

На последнем заседании бюро комсомольской ячейки Раузин заявил о том, что его исключают из-за его национальности: «Почему мне такое наказание? Потому, что я еврей, а будь на моем месте русский, то такого наказания не было бы». В итоге все же было принято решение: исключить Я. Раузина из комсомола, а также «поставить вопрос перед соответствующими организациями об исключении из университета и из профсоюза, отдать на суд, на предмет взыскания стипендии и опубликовать в печати» [Там же].

Не в пользу Раузина сыграло и то обстоятельство, что он брал «литера в 25 году» (льготные документы на проезд по железной дороге), а в 1926, 1927, 1928 гг. ему в канцелярии университета выдавали справки о том, что «он учащийся, на предмет скидки с налога отцу» [9. Л. 30, 31, 32, 38, 43, 46].

О собрании коллектива факультета та же газета писала: «Бурное было последнее собрание ТГУ. Много прений. 40-минутная речь Раузина показывает, как он прекрасно владеет речью, как замазывает и смягчает факты».

В конечном счете мнение бюро физмата об исключении Я. Раузина поддержали 137 человек, 104 проголосовали за оставление его в университете. «Среди этих 104-х, – писала газета, – был ряд активистов, их разжалобила речь Раузина. Они явно размякли и явно потянули на руку классового врага, хотели чисто семейному разрешить вопрос» [9].

На заседании правления ТГУ, состоявшемся 30 декабря 1928 г., было принято постановление об исключении Я.Р. Раузина из числа студентов как «чуждого для университета элемента» [8. Л. 62].

Однако особой необходимости исключения Я. Раузина из университета не было. Заведующий Сибкрай-ОНО Н. Вихерев в письме в редакцию «Советской Сибири» на этот счет отметил: «... я указал на ошибочность позиций тех товарищей, которые, считаясь с общественной активностью Раузина, возражали против исключения его из комсомола. Но из комсомола, а не из ВУЗа. Это вещи совершенно разные. Не всякого исключаемого из комсомола надо обязательно исключать из ВУЗа. Раузин был студентом выпускного курса, хорошо учился, и необходимость исключения его из ВУЗа могла казаться, по меньшей мере, сомнительной». Однако после разговора с Н.П. Загорским Вихерев принял решение, что он «лично отказывается восстанавливать Раузина» [10. 4 мая].

Тем не менее история с Я. Раузиным закончилась для него вполне благополучно. После исключения из ТГУ он обратился в Главпрофобр, который и восстановил его в правах студента с правом перевода в дру-

гой вуз. Яков был принят для продолжения учебы в Ленинградский физико-механический (политехнический) институт [9. Л. 74]. Впоследствии он стал известным ученым-математиком, лауреатом Сталинской и Государственной премий [11].

Обратимся к другому случаю исключения из числа студентов ТГУ. На заседании профкома Союза работников просвещения (Рабпрос) ТГУ, состоявшемся 7 мая 1929 г., рассматривался протокол собрания 2-го курса химического отделения физико-математического факультета об исключении из вуза студентов Нифонтова, Кузнецова и Лавровой.

Что касается А.В. Нифонтова, сына крестьянина-бедняка, приехавшего в Томск из Златоуста, где Андрей некоторое время работал лаборантом на Златоустовском заводе, а затем несколько месяцев преподавал в школе-семилетке [12. Л. 6 об.], то его намеревались исключить как «идеологически чуждого». Член профкома Тихомиров в следующих словах высказался об этом студенте: «Он [Нифонтов] скучает в советской действительности, ибо он большой индивидуалист. Он говорит, что в СССР личность задавлена, а там, за границей, жизнь кипит. Поэтому он не несет и не желает нести общественных работ» [13. Л. 68].

Кроме этого, заявил Тихомиров, Нифонтов отказался подписываться на заем индустриализации, хотя в то время работал и получал 35 рублей в месяц, и в то же время выразил недовольство тем, что его не назначили на стипендию. При этом он говорил: «Раз мне не дают стипендию, то я и им шиш дам». Недовольство этого студента вызвало и отсутствие в продаже портрета английского ученого И. Ньютона, который ему понадобился. По словам того же Тихомирова, Нифонтов заявил: «Что всякой швали много (портретов вождей), а Ньютона нет».

Нифонтова упрекали и за его негативное отношение к новым методам преподавания, к однокурсникам, за отказ участвовать в перевыборах горсовета, чем «сорвал 100% явку курса».

Студентка Сысоева в ходе обсуждения заявила, что из Нифонтова после окончания вуза «спеца-общественника не будет» [Там же].

В итоге профком принял решение утвердить постановление курса об исключении Нифонтова из университета как «идеологически чуждого». В протоколе, помимо приведенных выше аргументов, в пользу отчисления Нифонтова было добавлено то, что он считал общественной работу «принудительной», а будучи на сборах в военных лагерях, «прямо высказывался против необходимости военной подготовки студенчества, считая это совершенно ненужным». Обвинили его и в том, что в разговоре с товарищами он заявил: «... жизнь кипит за границей, а здесь (в СССР) какой-то проводят коллективизм и строят социализм» [12. Л. 68; 13. Л. 34].

Согласно постановлению правления ТГУ от 18 июля 1929 г. студент физико-математического факультета был исключен как «идеологически чуждый элемент» [12. Л. 12, 21]. А.В. Нифонтов подал апелляцию в Сибирский краевой отдел народного образования (Сибкрайон), которая, однако, была отклонена [Там же. Л. 36].

Иную позицию профком занял по отношению к студенту выпускного курса химического отделения В.И. Кузнецову. Виталий Кузнецов в 1925 г. в 16 лет поступил на химическое отделение физико-математического факультета ТГУ после окончания общеобразовательной школы при кооперативных организациях в Красноярске, получив направление в вуз от Красноярского губернского отдела народного образования (ГубОНО). Его отец до революции занимался хлебопашеством, в Гражданскую войну служил в Красной армии, а затем работал в разных советских учреждениях. Сам Виталий перед поступлением в вуз некоторое время успел поработать резчиком по линолеуму при редакции газеты «Красноярский рабочий» [14. Л. 9, 12].

Кузнецов неплохо учился и активно занимался научно-исследовательской работой под руководством В.И. Петрашеня. Последний охарактеризовал своего ученика как «талантливейшего студента Томского университета» [15. С. 782].

В университете Кузнецов, не получая стипендии и помощи от родителей, перебивался случайными заработками и, как он сам писал в заявлении в комиссию по обложению платой за обучение с просьбой освободить его от платы, даже «не имел возможности ежедневно обедать» [14. Л. 11].

Хотя большинство студентов курса, на котором Виталий учился, посчитали его также «не нашим по идеологии», обвинив в том, что он, «попав под влияние преподавателей не с нашей идеологией», будучи на производстве, подпадет под влияние старых спецов, и будет «вредителем». Кроме этого ему поставили в вину неактивное участие в общественной работе, нежелание считаться с мнением товарищей, а также то, что он, занимаясь научной работой, не проинформировал об этом физико-математический кружок и к тому же «нелегально», по рекомендации преподавателей, устроился на службу в Геологический комитет (Геолком) [13. Л. 68].

Однако преподаватель химического отделения Ю.А. Субботина заявила, что хотя все обвинения в адрес Кузнецова и верны, но курсу «нужно было раньше постараться приблизить его к себе», а ему самому «нужно приблизиться к общественным организациям и больше не подпадать под влияние преподавателей».

В итоге во внимание было принято то, что Кузнецов заканчивал обучение в университете, и поэтому его не следовало исключать. Председатель профкома А.А. Никонов в назидание Кузнецову заявил: «Но перед ним прямо надо поставить вопрос, что если он дальше также будет относиться к мероприятиям, проводимым общественными организациями, и к советской власти, то мы его сумеем выгнать за 2 дня до окончания университета. И, особенно, Кузнецову после окончания ВУЗа, работая на производстве, нужно ближе подойти к общественности» [Там же].

Получил возможность высказаться и сам Кузнецов. «На 1-м курсе я нес общественную работу в физико-математическом кружке», – оправдывался он. На втором курсе работал в доме заключенных, «откуда получил удовлетворительный отзыв». Однако, признал он, общественные предметы ему не нравились, а

о своей научной работе не хотел говорить до тех пор, «пока не получил удовлетворительных результатов». В заключение он заявил: «От нашей среды я оторвался потому, что с вашей стороны шла травля меня, и если ее не будет, то я приближусь к вам. Я прошу, чтобы мне дали общественную работу, связанную с химией» [13. Л. 68].

Завершив обучение в университете по специальности «Синтез органических красителей и полупродуктов красочного производства», В.И. Кузнецов был распределен на работу в Центральную лабораторию Анилинового треста (Анилтрест) в Москве (ныне Научный институт органических полупродуктов и красителей), защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертацию, стал основателем научной школы в области синтеза и исследования новых органических реагентов различного аналитического назначения [15. С. 782–784].

Что касается А.В. Лавровой, студентки 4-го курса физико-математического факультета, поступившей в университет в 1925 г. после окончания школы II ступени в Томске, то ее обвинили в сокрытии действительного материального положения. В своей анкете Анна указала, что живет на иждивении матери-учительницы, которая, помимо нее, имела еще одну малолетнюю дочь [16. Л. 1].

Однако выяснилось, что отец Лавровой, проживавший в то время в Харбине, оказывал дочери материальную помощь в размере 100 руб. ежемесячно. Сама Лаврова попыталась оправдаться: «Отец не живет с нами, ибо имеет другую семью. Отец – советский служащий и недавно был юбилей его 25-летней деятельности. В анкете я указывала, где находится мой отец, в декларации же указывала, что живу на иждивении матери» [13. Л. 68 об.].

Ее сокурсница Г.Н. Дюрягина обвинила Лаврову в том, что та «скрыла намеренно свое материальное положение» и к тому же не занималась общественной работой. Другой член профсоюза Сысоева заявила, что Лаврова прикрывается своей матерью, «старым членом союза и работником просвещения и потому не считается с общественными организациями», отказываясь от общественной работы и «уделяя все время академике».

В итоге обсуждения было решено постановление курса об исключении Лавровой из университета отменить. Тем не менее предлагалось довести до сведения комиссии по оплате за обучение то, что Лаврова регулярно получала материальную помощь от отца [Там же].

Таким образом, «чистка» в конце 1920-х гг. была последней в череде подобного рода мер, предпринимаемых в ходе пролетаризации высшей школы. Она уже не была такой массовой, как «чистки» 1922, 1924, 1925 гг. Исключению из вуза предшествовала более тщательная проверка всех обстоятельств дела того или иного студента. «Вычищаемые» имели возможность обжаловать постановления правления вуза, подавая апелляции уполномоченным Наркомпроса по вузам и вышестоящим органам народного образования. Вместе с тем выдвигалось требование более тщательно выявлять социальное и имущественное положение лиц, поступавших в вузы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
2. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
3. Томский университет. 1880–1980. Томск, 1980. 431 с.
4. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-815 (Томский государственный университет). Оп. 1. Д. 410 (Журналы № 1–42 заседаний правления ТГУ. 06.01.1928–30.12.1929. 267 л.).
5. Советская Сибирь. Ежедневная газета Сибкрайкома ВКП (б), Сибирского Краевого Исполнительного Комитета Советов, Сибкрайсовпрофа, Новосибирского Окружкома ВКП (б) и Окрисполкома. 1929. 18 июня.
6. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 460 (Постановления, указания, приказы Наркомата просвещения, Главпрофобра РСФСР, Сибкрайсовнархоза, ректора; протоколы, выписки из журналов и протоколов заседаний правления ТГУ, президиума и кафедр физико-математического факультета, сведения о научно-исследовательской работе факультета и др. 17.04.1929–12.01.1930. 219 л.).
7. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 459 (Постановления и циркуляры Наркомата РКИ СССР, СНК, Наркомата просвещения, Главпрофобра РСФСР, отдела народного образования Сибкрайисполкома; положение коллегии Наркомата просвещения РСФСР об институте студентов-выдвиженцев; выписки из журналов заседаний правления ТГУ, доклад декана о деятельности медицинского факультета и др. 16.01.1929–08.12.1929. 137 л.).
8. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 3. Д. 1764 (Раузин Яков Рафаилович. 21.08.1924–16.02.1930. 66 л.).
9. Красное знамя. Ежедневная газета Томского Окружкома ВКП (б), Окрисполкома и Окпрпрофсовета. 1928. 8 дек.
10. Советская Сибирь. 1929. 4 мая.
11. Раузин Яков Рафаилович. Универсальная энциклопедия. URL: <http://unienc.ru/w/ru/467841-rauzin-yakov-rafailovich.html> (дата обращения: 20.06.16).
12. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 3. Д. 1467 (Нифонтов Андрей Васильевич. 03.07.1927–28.10.1929. 38 л.).
13. ГАТО. Ф. 405 (Томский окружной отдел профсоюза работников просвещения). Оп. 1. Д. 284 (Протоколы заседаний профкомов студенческих секций за 1929 год. 167 л.).
14. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 3. Д. 1085 (Кузнецов Виталий Иванович. 23.07.1925–17.03.1930. 59 л.).
15. Савин С.Б. Виталий Иванович Кузнецов (к 100-летию со дня рождения) // Журнал аналитической химии. 2009. Т. 64, № 7. С. 781–784.
16. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 3. Д. 1139 (Лаврова Анна Владимировна. 09.10.1925–15.09.1928. 36 л.).

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2016 г.

STUDENT PURGE AT TOMSK STATE UNIVERSITY IN THE LATE 1920S AS A TOOL OF HIGHER SCHOOL PROLETARIANIZATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 177–182.

DOI: 10.17223/15617793/411/24

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Daniil E. Shandala, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: daniil.shandala.94@mail.ru

Keywords: Tomsk State University; on proletarianization campaign of universities; purge of students; non-governmental organizations.

On the basis of archival materials and periodicals the article traces the course of the purge of students at Tomsk State University during the university proletarianization campaign of the late 1920s. By that time the university had only two faculties: Mathematics and Physics and Medical. The number of students declined sharply. If in 1920 Tomsk State University had 4910 students, in 1929 it had only 1409. This was due to both the outflow of students who found themselves in Tomsk during the Civil War, the closure of a number of faculties, the changed conditions of admission to universities, as well as purging and checks of students by academic and class principles. A way to university proletarianization, in addition to the admission of graduates of worker faculties, was enrollment of students sent by the Party, Komsomol and trade union organizations until the 1925/26 academic year. It is noted that at this time there was no radical change in the social composition of TSU students, despite the measures taken. Senior students were mostly (46 %) children of civil employees and the intelligentsia. The qualitative composition of the worker-peasant stratum was not homogeneous. The Party and government bodies urged to radically change the attitude to the admission of students, emphasizing the “sequential class selection of new entrants, on the one hand, and the fight against the attrition of proletarian and peasant entrants, especially farm laborers and the poor, on the other”. A General Directorate of Vocational Education Decree (1929) proposed to expel “elements clearly corrupting these institutions when they are found in the daily work of student organizations, boards of higher education institutions and of worker faculties and colleges”. However, it was recommended to be particularly cautious in deciding to expel final year students. The article shows how this procedure was implemented by describing the fate of a number of university students who were purged in late 1928 and in 1929. The conclusion is that the purge of the late 1920s. was the last in a series of this kind of measures taken during the proletarianization of higher education. It was no longer as broad as the purges in 1922, 1924, 1925. A thorough check of all the circumstances of a particular student preceded the decision to expel. The purged had an opportunity to appeal the decision of the University Board at higher bodies of public education or at persons authorized by the People’s Commissariat of Education at universities. At the same time a requirement appeared to identify more closely the social and economic status of persons admitted to universities.

REFERENCES

1. Rozhkov, A.Yu. (2014) *V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [In the circle of peers: the world of the young man’s life in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskii slovar’* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
3. Plotnikova, M.E. (ed.) (1980) *Tomskiy universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980]. Tomsk.
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815 Tomskiy gosudarstvennyy universitet [Tomsk State University]. File 1. File 410 *Zhurnaly 1–42 zasedaniy pravleniya TGU. 06.01.1928–30.12.1929. 267 l.* [Journals of 1–42 meetings of the Board of TSU. 01.06.1928–30.12.1929. 267 p.].
5. *Sovetskaya Sibir’*. (1929) 18 June.

6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 460 *Postanovleniya, ukazaniya, prikazy Narkomata prosveshcheniya, Glavprofobra RSFSR, Sibkraysovnarhoza, rektora; protokoly, vypiski iz zhurnalov i protokolov zasedaniy pravleniya TGU, prezidiuma i kafedr fiziko-matematicheskogo fakul'teta, svedeniya o nauchno-issledovatel'skoy rabote fakul'teta i dr. 17.04.1929–12.01.1930. 219 l.* [Resolutions, directions, orders of the People's Commissariat of Education, RSFSR General Directorate of Education, Sibkraysovnarhoz, Rector; protocols, extracts from journals and reports of the TSU board meetings, of the Bureau and of the Departments of Physics and Mathematics Faculty, information about the research work of the faculty and others. 17.04.1929–12.01.1930. 219 p.].
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 459 *Postanovleniya i tsirkulyary Narkomata RKI SSSR, SNK, Narkomata prosveshcheniya, Glavprofobra RSFSR, otdela narodnogo obrazovaniya Sibkrayispolkoma; polozhenie kollegii Narkomata prosveshcheniya RSFSR ob institute studentov-vydvizhentsev; vypiski iz zhurnalov zasedaniy pravleniya TGU, doklad dekana o deyatelnosti meditsinskogo fakul'teta i dr. 16.01.1929–08.12.1929. 137 l.* [Decrees and circulars of the Commissariat of RCTs of the USSR, the Council of People's Commissars, the People's Commissariat of Education, RSFSR General Directorate of Education, Sibirian Regional Executive Committee Board of Education; regulation of the Board of the RSFSR People's Commissariat of Education on the Institute of promoted students; extracts from the journal of TSU board meetings, a report on the activities of the Dean of the Faculty of Medicine et al. 16.01.1929–08.12.1929. 137 p.].
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 3. File 1764 *Rauzin Yakov Rafailovich. 21.08.1924–16.02.1930. 66 p.* (In Russian).
9. *Krasnoe znaniya.* (1928) 8 December.
10. *Sovetskaya Sibir'.* (1929) 4 May.
11. Universal Encyclopaedia. (n.d.) *Rauzin Yakov Rafailovich.* [Online] Available from: <http://unienc.ru/w/ru/467841-rauzin-yakov-rafailovich.html>. (Accessed: 20th June 2016). (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 3. File 1467 *Nifontov Andrey Vasil'evich. 03.07.1927–28.10.1929. 38 p.* (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 405 *Tomskiy okruzhnoy otdel profsoyuza rabotnikov prosveshcheniya [Tomsk District Department of the Trade Union of Education Workers]. List 1. File 284 Protokoly zasedaniy profkomov studencheskikh sektsiy za 1929 god. 167 l.* [Minutes of meetings of the trade union committees of student sections for 1929. 167 p.].
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 3. File 1085 *Kuznetsov Vitaliy Ivanovich. 23.07.1925–17.03.1930. 59 p.* (In Russian).
15. Savin, S.B. (2009) Vitaliy Ivanovich Kuznetsov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Vitaly Ivanovich Kuznetsov (the 100th anniversary)]. *Zhurnal analiticheskoy khimii.* 64:7. pp. 781–784.
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 3. File 1139 *Lavrova Anna Vladimirovna. 09.10.1925–15.09.1928. 36 p.* (In Russian).

Received: 31 August 2016